

Найджел Лезама

(Nigel Lezama) — адъюнкт-профессор Университета Брока, специалист по французской литературе XIX века, а также канадской моде и предметам роскоши. Анализируя, как маргинальные и периферийные практики, связанные с модой и роскошью, меняют доминирующую культуру, работает на стыке исследований моды и роскоши, литературоведения и культурологии.
nlezama@brocku.ca

Европейский ВЗГЛЯД на стандарты красоты

Ключевые слова: волосы; Музей декоративного искусства; стандарты красоты у чернокожих; европоцентризм; французский колониализм

Выходя из метро на станции «Шато д'О», в самом центре 10-го округа Парижа, вы попадаете в гущу парижской африканской культуры и стиля афрошик. Женщин окружают толпы молодых африканцев, наперебой предлагающих проводить их в местные парикмахерские, чтобы сделать мелирование. Пройдя чуть дальше, вы увидите молодых чернокожих модников, которые курят рядом с некоторыми из этих салонов. Головы у них накрыты фольгой — они ждут, пока высохнет краска, чтобы щеголять броскими оттенками — от золотистого до белоснежного. Культура ухода за собой, характерная для чернокожего населения, играет определенную роль в современном французском обществе, к тому же у нее долгая и богатая история.

Волосы и волоски
(Des cheveux
et des poils).

**Музей
декоративного
искусства,
Париж, Франция.
5 апреля —
17 сентября 2023**

Удивительно, но летняя выставка Музея декоративного искусства «Волосы и волоски» — исследование практик ухода за волосами в Европе с XV века до наших дней с культурной, социальной и индивидуальной точек зрения — прошла мимо этой истории. Выставка состояла из пяти тематических разделов: «Мода и экстравагантность», «Волосы на теле», «Между естественным и искусственным», «Профессиональный уход» и «Волосатый век». Куратор Дени Брюна открыл выставку (начинающуюся на первом этаже) историческими портретами и ранними фотографиями, иллюстрирующими практики ухода за собой белых европейцев, мужчин и женщин, а также детские прически. В сопроводительном тексте поясняется, какое отношение существовало в культуре к волосам, волоскам на теле и разнообразным декоративным практикам. На втором этаже представлены артефакты, изображения и видео, рассказывающие о навыках ухода за волосами в профессиональных салонах XX и XXI веков и о современных техниках, помещающих волосы в область высокого искусства и моды. Завершает выставку видеоинсталляция, раскрывающая связь между волосами и протестом (иллюстрации см. во вкладке 4).

Первый зал выставки поражает эстетическим контрастом. Этот зал, в остальном вполне традиционный по планировке и посвященный главным образом живописи и скульптуре, Брюна украсил гирляндой из белых и серебристых полос под потолком — возможно, чтобы замаскировать грубый бетон. Другие залы на этаже оформлены более привычно, чтобы посетители могли рассматривать экспонаты, не отвлекаясь. Второй этаж Брюна обыграл, прибегнув к современным кураторским практикам: здесь есть подобию вычурных парикмахерских с интерактивными зеркалами, выставлены одежда, модная фотография и предметы, помогающие посетителям лучше понять авангардные объекты, создаваемые на основе волос кутюрье и стилистами, работающими со знаменитостями.

Выставка проливает свет на эволюцию европейских стандартов красоты, связанных с волосами. Проблематично само решение сосредоточиться на практиках белых европейцев, в результате чего принадлежность к белой расе предстает как норма: в исторических пояснениях не затрагиваются вопросы расовой и этнической идентичности, а сама выставка не отражает длительного культурного взаимодействия, к которому привел европейский колониализм. Как сам колониализм ставит во главу угла белую расу и считает ее нормой, так и выставка представляет западные практики ухода за собой как результат естественной культурной эволюции, происходившей без сторонних влияний. «В западной [sic] культуре густые непослушные пряди или

избыток волос на теле часто ассоциировались с диким, животным началом; цивилизованные женщины и мужчины долгое время укрощали, а иногда прятали свои волосы», — читают посетители в предваряющем выставку тексте, который задает тон экспозиции, где присутствие в Европе представителей других рас почти никак не показано, а влияние незападных практик на европейские стандарты красоты прошло незамеченным.

Учитывая парижский контекст, решение куратора выстроить экспозицию вокруг западной культуры можно назвать оправданным. Франция считается средоточием европейского культурного капитала, а Париж — воплощением престижа и хорошего вкуса. С конца XVII века французский вкус применялся в качестве своего рода «мягкой силы» для колонизации социальных практик по всему континенту и миру, компенсируя неудачи французского империализма в приобретении колоний за пределами Европы. С тех пор практики и продукты, отражающие французскую эстетику, пересекали океаны, воплощая и символизируя экономическое и культурное господство в сообществах поселенцев-колонистов¹. К числу таких практик относились прически, идеи аксессуаров для тела и волос, в частности шляп и других головных уборов, гребней, париков и более мелких декоративных элементов. На выставке «Волосы и волоски» представлен европоцентричный контекст исторических изменений в практиках ухода за собой и связанных с ними атрибутах.

Для тенденции возвеличивать особую роль Франции характерно и умолчание о незападных практиках и людях, не удостоенных такого же почета, несмотря на их присутствие во французской культуре и вовлеченность в нее. Во вступительном тексте к выставке содержится намек на это идеологически обусловленное умолчание, хотя напрямую о нем не говорится. Упоминание «густых, непослушных прядей», вызывавших ассоциации «с диким, животным началом», сбивает с толку посетителей из африканской диаспоры, хорошо понимающих, как белые представители западной культуры воспринимают связь между волосами чернокожих, животным началом и культурной идентичностью, побуждая их думать, что этот сюжет нашел отражение на выставке. В XIX веке колониальный и расистский дискурс приписывал это животное начало телу чернокожих женщин, предостерегая белое французское общество от их якобы чрезмерной и опасной сексуальности.

На выставке и в самом деле можно увидеть самые разные аксессуары, показывающие, как менялись представления о мужской и женской красоте и какими символическими смыслами наделяли волосы

на Западе. Среди представленных предметов — мужские и женские парики, мужские бритвенные принадлежности и женские бритвы, сувениры из волос умерших и другие изделия из волос, обладающие сентиментальной ценностью, чашки для усатых, шляпки и косынки. Среди этих многочисленных артефактов нет вещей, восходящих или отсылающих к влиянию колоний на прически и аксессуары для волос во французской метрополии. Текст, посвященный женским аксессуарам, обходит эту историю стороной — поясняется, что аксессуары для волос «считались необходимыми, чтобы пригладить женские волосы, которые в естественном виде, как тогда думали, доставляли неудобство и к тому же воспринимались как признак животного начала, даже сладострастия». Мизогиния, вплетенная в практики ухода за волосами, предстает на выставке как универсальное явление, без анализа очень разного опыта, в рамках которого эти практики оказывались расово маркированными.

В период трансатлантической работорговли предполагаемую опасность, которую таила в себе сексуальность чернокожих женщин, сдерживали, например, за счет того, что сводили ее к модным выразительным средствам для белых. Историк Робин Митчелл исследовала эту эстетизацию инаковости². Она проанализировала культурную фетишизацию чернокожей женщины в 1820-х годах, после выхода романа Клэр де Дюра «Урика»³, который произвел во Франции фурор — такой, что образ главной героини вдохновил несколько модных тенденций. Митчелл пишет: «...Одним из следствий повального увлечения „Урикой“ стало появление предметов одежды, духов и причесок, названных в ее честь. Знатки моды говорили о воротничках, перьях, манжетах и лентах в стиле Урики, а светло-шоколадный, голубой, оранжевый и красный цвета называли „цветами Урики“» (Mitchell 2020: 92). Хотя, говоря о «густых, непослушных волосах» как признаке «животного начала, даже сладострастия», в XIX веке подразумевали чернокожих, угрозу, которую чернокожая женщина с ее якобы «животными» качествами представляла для белого французского общества, трансформировали в прически и телесные практики, способные успокоить назревавшую в культуре тревогу. Примечательно, что такого рода сюжетам не нашлось места в истории волос на выставке.

Один из немногих артефактов, представляющих в экспозиции людей других рас, — серия из четырех дагеротипных портретов молодых женщин азиатского, североафриканского и африканского происхождения, сделанных в 1860-х годах Жак-Филиппом Потто, фотографом Музея естественной истории. В комментарии к снимкам поясняется,

что в XIX веке женщины других рас ориентировались на стандарты красоты, «созданные белыми и для белых». Культурное влияние господствующей белой расы, которое иллюстрируют эти четыре портрета, действительно имело место, но лишь в качестве одной из тенденций. Приведенное в сопроводительном тексте объяснение наглядно показывает, что не так с этой выставкой.

Люди, которых колонизировали европейцы, не просто переняли бытовавшие среди белых обычаи украшения своего тела. Они приспособили их к собственным обстоятельствам, и у них, что немало важно, были собственные практики создания образа, проникшие в общество белых европейцев. Скажем, обычай носить на голове платок восходит к уроженкам Западной Африки, а в колониальные державы его занесла работорговля. Белые европейские женщины из привилегированных сословий переняли и адаптировали этот характерный головной убор, одновременно практичный (защищающий от тропического зноя) и способный украсить. Историк моды Джонатан Майкл Сквер убедительно показал, что на протяжении всего периода, пока через Атлантику велась торговля рабами, и после западноафриканские и карибские практики украшения своего тела колонизировали как на периферии, так и в центре Европы⁴. Как объясняет Сквер, «„креолизация“, или имитация креольской культуры, происходила и в метрополиях, что заметно по тому, как одевались белые представительницы буржуазии, усвоившие некоторые практики рабынь и свободных женщин африканского происхождения в колониях».

Создается впечатление, что Брюна, работая над концепцией «Волос и волосков», вычеркнул из нее эти кросс-культурные эпизоды. Замалчивание влияния колониализма и чернокожих на эстетическую историю Франции подается на выставке как нечто естественное и за счет решения куратора говорить в пояснительном тексте о практиках европейских — или французских — женщин и мужчин без уточнения, что здесь показаны и прокомментированы практики ухода за собой и стандарты красоты, присущие именно *белым* европейцам. Это упущение может привести посетителей к мысли, что стили и мода белого французского общества выражали в лучшем случае совершенно уникальный, а в худшем — единственный взгляд на эталон красоты во французской культуре.

На выставке небезосновательно разграничивается восприятие волос на голове и на теле. Такое разделение позволило представить несколько интересных и занятых примеров того, как менялись эталоны мужской и женской телесной красоты. Посетители могут сравнить покрытые густой растительностью лица мужчин XVI века, гладкие лица

XVII века и затейливые бородки и усы, характерные для XIX столетия, с пышными усами и волосатой грудью 1980-х, эпохи сериала «Частный детектив Магnum». Любопытно, что в этот раздел вошел и видеоролик с цифровыми коллажами испанского художника Наро Пинозы, накладывающего на исторические мужские портреты образы мужчин из мира современной моды и порнографическую фотографию. Получились комичные изображения, предлагающие посетителям задуматься, как тело и одежда вместе поддерживают меняющиеся представления о маскулинности.

Завершает выставку эффектная видеоинсталляция ивуарийской художницы и активистки Летиции Кай. В ролике демонстрируется серия портретов Кай, чьи волосы заплетены и уложены так, что образуют разные схематичные рисунки, одновременно отсылающие к культурным проблемам, с которыми сталкиваются чернокожие женщины, и раскрывающие красоту и многообразие их волос. Среди фотографий, из которых смонтирован ролик, есть одна, где волосы Кай уложены в виде земного шара с африканским материком в центре. Другая скульптура из волос изображает воздушный шарик, поднимающий художницу над землей. Еще на одном портрете волосы художницы уложены в форме сжатого кулака, символизирующего борьбу за права чернокожих и возвышающегося над ее головой, подобно короне.

Несомненно, заключительная инсталляция отражает нынешнюю реальность для женщин африканского происхождения на Глобальном Севере и Западе, до сих пор сталкивающихся с унижительным восприятием их волос и наружности. Огорчает, однако, что в пояснительном тексте к выставке этот пласт исторического контекста отсутствует. Протест, выражаемый художницей, в каком-то смысле теряет историческую почву. Не исключено, что посетители останутся в недоумении, направлена ли критика Кай только против маргинализации чернокожих сегодня. Собственно, выставка гораздо ближе подошла бы к решению обозначенной в ролике проблемы, если бы дала более инклюзивный взгляд на волосы и красоту.

«Волосы и волоски» — интересная, пусть в конечном счете и неполная, выставка, посвященная культурной значимости и символике волос на голове и теле в западных странах. Из нее можно извлечь важный, хотя и непреднамеренный вывод: во Франции давно существует расовая проблема, которую французское учреждение предпочло отодвинуть в сторону, словно непослушную прядь волос, выбивающуюся из почти идеальной прически.

Перевод с английского Татьяны Пирусской

Литература

Canadian Critical Luxury Studies 2022 — Canadian Critical Luxury Studies. Decentring Luxury / Ed. by J. P. Clark, N. Lezama. Intellect Press, 2022.

Mitchell 2020 — Mitchell R. *Vénus Noire*. Black Women and Colonial Fantasies in Nineteenth-Century France. University of Georgia Press, 2020.

Square 2021 — Square J. M. Culture, Power, and the Appropriation of Creolized Aesthetics in the Revolutionary French Atlantic. 2021. February. smallaxe.net/sxssalon/discussions/culture-power-and-appropriation-creolized-aesthetics-revolutionary-french (по состоянию на 19.10.2023).

Примечания

1. Подробнее о влиянии европоцентризма на колониальные пространства, а также социальные и культурные практики см.: *Canadian Critical Luxury Studies 2022*.
2. Ср.: Mitchell 2020.
3. Роман рассказывает трагическую историю Урики, осиротевшей девушки из Сенегала. Губернатор Сенегала посылает ее, рабыню, во Францию в качестве подарка своей богатой парижской тетке. Во Франции Урика получает аристократическое воспитание и становится частью семьи своего владельца. Она влюбляется в юношу из этой семьи, но осознает, что из-за цвета ее кожи эта любовь — как и само по себе ее положение — безысходна. Она удаляется в монастырь, где умирает молодой от отчаяния.
4. Ср.: Square 2021.